

К Р О К О Д И Л

Ю. ГАНФ
42

Очередной нажим.

Рис. Ю. Ганфа

Рис. В. Горяева

Черкес Мухамедов отмечает количество убитых им фрицев палочками.

Обер-лейтенант Шульц отмечает количество тех же фрицев крестами.

Только для немцев

Париж. Магазин.
Построились в ряд
Сыр, шоколад,
конфеты...
На яркой витрине
висит плакат:
«Только для немцев»
все это!
Печально в Париже
французы жонье,
Вадыкает:
— Когда же наемся?!
Свобода и воздух,
еда и питье —
Все это
только для немца!
И вот патриотом
В Париже наднях

Приготовлен сюрприз
богатый:
Красуются всюду —
на всех фонарях:
«Только для немцев!» —
плакаты.
Борись, патриот,
презирая страх,
Ни жизни, ни сил
на жалей.
Развесь оккупантов
на всех фонарях —
И станет в Европе
светлее!

Георгий КРЕЙТАН

Тбилиси.

Завертайло

ГОЛОС шел издали, как будто с другого конца света, хотя до областного центра было не больше шестидесяти километров.

— Не слышу, не слышу! Повтори! — кричал председатель горисполкома, побагровев от напряжения. — Скажи еще раз!

В трубке стонало, рычало, треск и вопль, скрежет и чорт знает что! Председатель горисполкома закрыл трубку рукой:

— У этого редактора голос, как у девицы. Ему бы в балете танцевать с таким голосом.

Он вытер рукавом черной косоворотки лоб и щеки и снова начал выкрикивать:

— Я слушаю! Я слушаю! Да, да, у телефона Лазарчук... Громче, да громче говори! Прощу тебя: продай трубку!.. Что-то очень важное, — прошептал председатель горисполкома, и все, находящиеся в его маленьком кабинете, придвинулись еще ближе к столу с телефоном. Внезапно морщины напряжения разгладнились на лице Лазарчука. — Так, так... — сказал он и внезапно счастливо улыбнулся. — Конечно, это наш... Завертайло — это наш... А имя-отчество как? Как? — внезапно закричал он, снова побагровев. — Как? Повтори! Не слышу! Не слышу! Да, да у телефона! Лазарчук у телефона!..

Но сколько уже ни кричал председатель горисполкома, сколько ни дул в трубку и ни ругал редактора областной газеты, телефон трещал и вопил, и вскоре всем стало ясно, что нужно отложить разговор.

Совершенно забывший председатель горисполкома положил трубку на рычаг, и сказал голосом, дрожащим от волнения и обиды:

— Нашему земляку Завертайле звание Героя Советского Союза дали. Наш Завертайло, с нашего города; вот имя-отчество не сказал, как...

— Я знаю трех Завертайл, — сказал зав. плановым отделом горисполкома. — Завертайло с 172-го завода, Завертайло с банно-прачечного треста, и в банке работал Завертайло. Боевой народ!..

— Завертайло!.. — молвила задумчиво исполняющая обязанности зав. горнаборрзом. — У нас в десятилетке был преподаватель Завертайло, Кузьма Ильич. Очень толковый, боевой человек. Верно, он...

— Вы в этом уверены? — едко заметил заедущий плановым отделом. — А те Завертайлы, о которых я говорил, — это не боевые не смелые?

— Нашли время спорить! — прервал его зав. райздравотделом. — Искренне удивляюсь вам... А вы не успели спросить, товарищ Лазарчук: не врачом ли работал Герой Советского Союза Завертайло? У нас был врач с такой фамилией, и я несколько не удивлюсь...

Председатель горисполкома глянул на своих сотрудников веселыми глазами и снял телефонную трубку.

— Девушка, — сказал он умоляюще, — постарайтесь поскорее соединить меня с областью. У меня волнения в горисполкоме... Хорошо, спасибо!

Он положил трубку:

— Чтоб в одном городе столько Завертайл! И все боевые!..

Юхим МАРТИЧ

Действующая армия.

— Безобразие! Не ценит она времени! Ведь я на работу опоздал на час, а ее все нет!

Жалоба Хрисанфа Спичкина

УВАЖАЕМЫЙ тов. редактор!

Я Спичкин, Хрисанф Спичкин, вы, наверное, обо мне слышали. В 1939 году я обвенчался в прогуле, но, доказав свое алиби, был оправдан и с тех пор самоотверженно тружусь на ниве общественного питания в качестве заведующего столовой райторгпункта. За три года беспорочной службы был два раза награжден со своей ответственной должности по обвинению в некачественности чистоты к запросам потребителей, но, основываясь на вину, был оставлен, о чем свидетельствует прилагаемое при сем удостоверение за соответствующими подписями и печатью.

Все шло хорошо до 19 сентября текущего года, когда в местной газете появилась компрометирующая меня заметка о том, что в руководимой мной столовой обнаружены признаки недопустимой антисанитарии и антисигнели. Поскольку вышеуказанная заметка бросает на мою некомпрометируемую личность известную тень, я обращаюсь через посредство вашего журнала с просьбой поместить вышеуказанные строки, пролившие яркий свет на мою скромную фигуру.

Не спорю, на последние месяцы в моей столовой стало меньше санитарии. Но я и не готовлюсь за ней. В условиях военного времени есть более важные задачи. И если в такое время находятся люди, готовые поставить мне в вину грязные тарелки, на которых подается еда, то я должен со всей решительностью протестовать. Я сам человек культурный, и тем не менее у меня дома второй месяц стоит немытая посуда, ибо можно ли заниматься сейчас такими мелочами?

Автор заметки жалуетесь, что в столовой неделями не убирается мусор. Это заявление полусловно. Мусор не убирается всего 27 дней, то есть с середины июля августа, когда я вынужден был сократить уборщицу и вкратце ее пригласить ответственного работника по даче объяснений на звонки посетителей в жалобной книге.

Жалобы на антисанитарное состояние столовой настолько участились, что передо мной стоял выбор: либо самому отвечать на них — и тогда не оставалось бы времени для руко-

водства — либо наискать штатную единицу для сотрудника, который отдавал бы все свои силы и способности жалобной книге. Я выбрал последнее и поступил, по-моему, правильно.

В заметке содержится намек на то, что я своей опустившейся внешностью подаю дурной пример обслуживающему персоналу. На эти намеки я даже не считаю возможным реагировать. Целиком с головой погруженный в работу, я не только о бритье или свежем воротничке, но даже дорогу к бане забыл. И если автор заметки, бросая мне обвинение, этого не понимает, — значит, он ничего не понимает.

Вот все, что я хотел, товарищ редактор, сказать в свою защиту. Надеюсь, что вы меня поймете и примете во мне участие. Ответ шлите не на адрес столовой, от руководства которой я уже освобожден, а на квартиру.

С приветом. Хрисанф Спичкин.

Письмо подготовил к печати
И. ВЕРХОВЦЕВ.

В парикмахерской

РАДИО передавало утреннее сообщение Совинформбюро. Только что кончились боевые эпизоды и посетители парикмахерской с молчаливым восторгом слушали о подвиге сержанта, уничтожившего огнем автомата двенадцать врагов.

Круглолицый человек с бритой головой, которому тщательно вымыли шею, сказал:

— Да, безусловно, молодец. Но я лично предпочитаю станковый пулемет.

В парикмахерской наступила почтительная тишина. Обслуживший золотистой шпательной командировочный с портфелем и чемоданом отложил в сторону «Огонек» и посмотрел на бритоголовую личность. До сих пор он смотрел на него с извечной неприязнью, потому что бритоголовый обошел его в очереди.

— Почему же станковый пулемет? — вежливо спросил он.

— Более эффективное оружие, — спокойно сказал бритоголовый. — Помните, был случай, один станковый пулемет задержал продвижение целой роты фрицев. А граната, например! Незаменимая вещь в бою. Четыре гранаты за пояс — иди себе спокойно и только поглядывай. А снайперская винтовка! Радуется, в руках у настоящего стрелка. Ну, до! Ничего так не боится немцы, как меткого снайперского выстрела. Я испытываю...

В парикмахерской наступила тишина. Даже свежеекрашенная блондинка, которой делала маникюр в женском отделении, перестала стрекотать. Ученная-стайерка, только что пустившая в двух местах кровь клиенту, раскрыла рот, повернувшись к бритоголовому. Только мастер с седым ежиком — старожил парикмахерской — продолжал звенеть ножницами.

— На чем я остановился? Насчет чего это я? Ага! Насчет снайперской винтовки... Короче говоря, это вещь. Немцы, конечно, тоже знают ей цену. Вот и пленные тоже: нет, не, а скажут пару слов о работе снайпера. Помните, был такой случай... Быют моменты...

— Не беспокоит? — шепотом спросил индус-массажер.

— Принимка. На фронте главное — прыжки.

— Я не о том, извиняюсь: бритые же беспокоит?

— А?.. Ничуть... Так о чем это я?

— О миниметах.

— Да, о миниметах. Быют миниметы... Шестистоповые, разумеется. А минимет — вот как вы видите — походная кухня. Хлопается минна прямо в шты. А шты, как назло, повару не удался. Ну бывает так; в походной жизни раз на раз не приходится. Значит, хлопается минна и попадает прямо в шты. Ну, разумеется, от шты и от кухни одно воспоминание. Все обожилось, ругаются; шутка ли фронтовику без обеда остаться! И только один повар почему-то ходит довольный. А командир и говорит: «Ну, Басиничев, подвезло вам шты, а то полагал бы вам от меня за такие шты». Война, конечно, — война, но есть, знаете ли, во фронтовой жизни и веселые минуты.

— Понятно, — улыбнулся, сказал командировочный, — без этого никак нельзя.

— Даю не припоминать всего... Ну, скажем, передний край. Бойбесика... Быют также, стрекочут пулеметы, — словом, что называется, полный разворот. А тут же, в двух шагах от тебя... Что, Юденок? Можно я одноклассник. А насчет штыри не надо, не люблю; нам, фронтовикам, это ни к чему. Все? Сколько вам полагается?

С бритоголовым сжали покровы. Он оглядел свои сверкающие сапоги, подставил ремни и, с удовольствием облизав себя в затылке, пошел к выходу.

— Жаль, — сказал командировочный, усаживаясь в кресло, — очень жаль...

Звон ножниц прекратился, и мастер с седым ежиком озабоченно наклонился к клиенту:

— Чего, собственно, баль?

— Да вот товарищ... Не досказал... Я сам, видите, приезжал из глубокого тыла. Интересно же послушать рассказ фронтовика...

— «Фронтовика»? — мастер с седым ежиком даже ошарашен. — Продавец из военбюро: Советская, дом номер восемь, — вот он кто! По глазам его искали, а вы говорите: «Фронтовик»!.. Эх, провинция!..

Командировочный изложил в руке:

— А я ему очередь еще успел! Действительно, провинция! — и со злобой утонул в зеркало.

Л. НИКУЛИН

ЖИЗНЬ В АДУ

Рис. Бор. Ефимова

— Эй, там! Разогревайте еще котлы! Прибыла свежая партия фрицев! Русские снайперы работают всюю!

Рис. И. Семенова

— В моем взводе потерь нет, господин обер-лейтенант! По списку все налично!

Метким ударом

(По столбцам красноармейской печати)

НЕИСПРАВНЫЙ

В целях исправления уголовного Карла Швайна зачислили добровольцем в германскую армию и прямо из тюрьмы отправили на фронт.

Через некоторое время родители Карла узнали, что их сын не только не исправился, но и окончательно разложился... в мыслях.

(«Боевое знамя».)

В НЕМЕЦКОЙ ШКОЛЕ

УЧИТЕЛЬ: — Карл, какая самая распространенная порода деревьев в России?

КАРЛ: — Береза, господин учитель.

УЧИТЕЛЬ: — Правильно. А что из березы делают?

КАРЛ: — Кресты для наших солдат, господин учитель.

(«На врага».)

НА ВСЕ СЛУЧАИ ЖИЗНИ

Когда фашисты стали делить награбленное добро, рыжий Курт Мюллер сказал:

— Друзья, не забудьте: у меня четверо детей. На мою долю — побольше.

Когда наши бойцы взяли Курта Мюллера в плен, он сказал переводчику:

— Товарищ комиссар, ради бога, пощадите у меня четверо детей.

(«Боевая тревога».)

ТОЧНЫЕ СВЕДЕНИЯ

РАЗВЕДЧИК: — Бабушка! Много немцев осталось в этой деревне?

БАБУШКА: — Да, много, родимый: целое кладбище.

(«Врага на штык».)

БЕДНЫЙ МАЛЬЧИК

— Пауль, почему ты весь в синяках?

— Меня наказали в школе.

— За что?

— На уроке зоологии я нарисовал мартишку, а учитель меня избил и сказал, что не полагается пририсовывать Геббельсу хвост.

(«Патриоты родины».)

НЕСЛОЖНАЯ АРИФМЕТИКА

— Поздравляю вас, фрау: к вам возвратился с восточного фронта два сына.

— Да, но из двух возвратившихся я смогу составить только одного целого.

(«Советский боец».)

ЗАВИСТЬ

— Слушай, Ганс, я вчера читал в газете, что наши катера в трудных условиях сделали по 25 узлов.

— Ого, здорово халатно наши ребята! А мы, горюханы, больше двух узлов в день собрать не сможем.

(«Красный Балтийский флот».)

В ЮГОСЛАВИИ

Рис. Б. Фридкина

— Молодцы наши партизаны! Не ладили работу транспорта. Проздоровление прибыло своевременно.

Фантазия

ДВА милиционера вели толстого хорошо одетого человека с портфелем в руках.

Лицо у толстого человека было растерянное, глаза беспокойно бегали по сторонам.

— Простите, я увидел Федушкина.

— Федушкина? Что с вами?..

— Ничего... Вот иду... кажется, в парсул.

Когда человека сопровождают милиционеры, а направляется он в парсул, он как две капли воды похож на подсудимого.

— Товарищи, в чем дело?.. Это же Федушкин, мой знакомый. Куда вы его ведете?..

— Куда надо, туда и веди! — загадочно сказал один из милиционеров.

А второй посмотрел на меня подозрительно и добавил:

— Напрасно вы, гражданин, поддерживаете связь с ворами!..

— С аэрами?!

Я посмотрел на Федушкина: он никак со мной незнаком.

— Что же вы курите?

— Часы.

— Золотые?

— Золотые. В общем драгоценные. Полтора часа сияют. Крутой вораго!..

— Полтора часа? Какие полтора часа?!

— Вы это, правдивый, с плутом сговариваетесь?..

Вы понимаете, что такое время?.. Это военное время!.. Ваш знакомый опоздал к выполнению важного задания на полтора часа!.. Теперь ему прощусь вину!..

— А разве теперь за опоздание... того... прощаются?

— Простываются. С сегодняшнего дня. А вы... давно знакомы с гражданином Федушкиным?

В глазах милиционера загорелся профессиональный огонек.

— Нет, собственно, недавно, — сказал я. — И вообще... Какой же он мне знакомый? Так... встретился... раза два. Полтора часа спер! Ай-ай-ай! Вот такие все дела портят.

Вы, милиционеры, товарищи, мне пора... Я ускакаю шаг и на коротком галопе убежал в учреждение, куда был вызван на прием к управляющему ровно на 6 часов.

В приемной сидело человек шесть-восемь. На часах было двадцать пять минут седьмого.

Пегая секретарша равнодушно ругалась с посетителями:

— Что? Когда начнет прием? Когда начнет, тогда и начнет.

— А когда начнет?

— Как только начнет. Он сейчас по телефону говорит. Надо позвать, гражданин!

У меня отлегло от сердца. Милая, знакомая картина! Ничего не изменилось.

В половине седьмого управляющий административного кабинета в приемную бледный, как известка.

Он блуждал глупо на часах, криво улыбнулся и тяжело бухнулся на колени.

— Братцы! — жалобно пролепетал управленческий. — Товарищи... Рождество... Помните, не жалуйтесь... Честное слово, не знал. Только сейчас позвонили, сказали, что с сегодняшнего дня... инквизиторы... Клянусь, не буду больше у вас время воровать. Не погубите! Не дайте человеку пропасть в военное время!..

— А вот и нет! Любо моей пощадой в военное время, вораго! — с чувством сказал старичок в кепке, сидевший в углу. — Гражданин, встаньте его!

Управляющий встал. Мне стало противно, и я вышел на улицу.

На бульваре я сел на скамейку, чтобы отдышаться, покурить и собраться с мыслями.

Мимо меня торопливой рысью бежали москвичи. До ушей моих долетали обрывки разговоров:

— За десять минут большую машину проклянут или малую?

— Среднюю.

— У нас директор проговорился. Правила комиссии, подвинулись, в двадцать рабочих часов не мог отчитаться.

— Прощусь, поди?

— Еще как прощусь!

***

Фантазия? А знаете, очень жаль, что это только фантазия.

Л. ЛЕНЧ

Редакции военных газет докладывают анонимные телефонные звонки, которые слышат редакторы на предательство.

Рис. А. Каневского

— Вы предатели и холуи!..
— Алло! Кто говорит?
— Все говорит.

Рассказ сержанта

ПОЕЗД шел на Калугу.

Нас было трое в купе жесткого вагона: я, сержант и боец. Разговорились о том о сем. Но, конечно, все больше о войне. Не помню, как это случилось, но наша беседа коснулась пороческих подангов советских разведчиков. И вот тогда-то боец и сказал:

— О разведчиках интересно может рассказать товарищ сержант.

Сержант недолго заставлял себя просить. Он почесал затылок, улыбнулся и начал:

— Опишу я вам вкратце один эпизод. Есть у нас в части парень. Сам он из Сибири. В тайге воспитывался. А там всякий мушкетер — следопыт и охотник. И как пошел он в Красную Армию, то сразу пожелал стать разведчиком. «Охотился я», — говорит он, — «за таежными зверями и хочу сейчас поохотиться за фашистскими войсками». И вот наш сибирский охотник начал бродить по брянским лесам и высматривать немцев. Зовут его Герасим Носков.

Однажды вечерней порой Носков пошел в разведку. Идет в потемках сам с собой разговаривает. А должен вам, между прочим, отметить, что этот самый Герасим Носков — парень ничего, веселый, но маленько с придурью. Правильно я говорю, товарищ Степанушкин?

Этот вопрос был обращен к красноармейцу. Тот рассмеялся и сказал:

— Во всей точности не скажу. Я его мало знаю.

Сержант продолжал:

— Ну а я его отлично знаю. Не раз встре-

чался. И в разведку вместе ходили. Так вот, идет он лесной тропинкой и самому себе отдает по всем правилам приказ: «Товарищ Носков, вам надо проникнуть в деревню Н., пробраться в немецкий штаб и принести оттуда документы». И тут же по всем правилам сам себе отвечает: «Есть проникнуть в деревню Н., пробраться в немецкий штаб и принести оттуда документы».

За такими интересными разговорами время незаметно прошло, и разведчик приблизился к гумнам, стоящим недалеко от деревни Н. «Товарищ Носков», — сказала себе товарищ Носков, — теперь для соблюдения осторожности лечь на землю в ползти огородами». «Есть для соблюдения осторожности лечь на землю и ползти огородами».

Приказание было немедленно выполнено — лег и пополз. Ползет, ползет...

Короче говоря, все прошло и кончилось, как ваш славный разведчик очутился в немецких руках. Как это произошло, рассказывать долго. А поэтому прямо переходжу к делу.

Полный фельдфебель со свинным рылом дал ему раза три по морде и сказал: «Сейчас мы тебе будем делать капут». И заперев его, избитого, окровавленного в какой-то амбар.

Прошел день, никакого капута нет. Вызвали Носкова на допрос к долговязому и лысому обер-лейтенанту. А наш Герасим не будь дураком и прикинулся дурачком. Долго с ним канителились, ничего путного не добились, дали ему раза два по затылку и опять повели в амбар... Товарищ Степанушкин, мне скоро выходить?

— Через одну остановку, товарищ сержант, — ответил боец.

— Вот и хорошо. Как раз успею досказать... Сидит Носков в амбаре и сильно охуляет. Особенно потому, что без всяких зверчей приходится существовать. «Не робеть, товарищ Носков!» — говорит он сам себе. Есть не робеть!»

Вдруг приходит в амбар тот самый фельдфебель со свинным рылом и велит выходить. «Сейчас они мне капут будут делать», — решил Носков. «Плываты вы капут, товарищ Носков». «Есть плываты на капут». А всетаки как-то нейтрально и обидно.

Но тут выяснилось, что немцы действительно поверили, что наш разведчик — дурак и простоват. Фельдфебель объявил Носкову, что он будет обслуживать господ офицеров: чистить им сапоги, ставить самовар, колоть дрова. Сплошной умышленный труд.

Так прошло дней пять. Герасим полностью вошел в свою роль. Работал он без всякого саботажа: сапоги у господ офицеров блестящие светлее дня, темнее ночи.

А на шестой день Носков отдал себе приказ: «Прекратить комедию, товарищ Носков!» «Есть прекратить комедию». Он забрался в немоданы к господам офицерам, забрал карты и документы, а затем отыскал фельдфебеля со свинным рылом и говорит ему: «Герр фельдфебель, гутен морген! Любят ли ваши офицеры свежую рыбу? Потому как мне известно, что в речке за деревней водятся замечательная рыба. А я специалист по этому делу. Снасти же можно достать у крестьян». Фельдфебедю сильно понравилось это конкретное предложение... Товарищ Степанушкин, мне же на этой остановке выходить?

— Нет, на следующей, товарищ сержант.

— Достали снасти и пошел Носков с фельдфебелем на речку.

И вот идет Носков с фельдфебелем. Дело было к вечеру. Солнце садилось вдали за лесом. Идет Носков с фельдфебелем.

День был тихий, погожий. Лишь маленький, робкий ветерок трепыхал кусты. Идет Носков с фельдфебелем.

Повернули направо, вышли на косогор. Уже и речка показалась. Идет Носков... А где же герр фельдфебель?

А вот он позади — лежит в кустах, ливком вниз. Крепким ударом по голове оглушительного разведчик. Герр фельдфебель, гутен морген!

«Бултых в воду, товарищ Носков!» «Есть бултых в воду!» Короче говоря, в тот же вечер Носков, весь мокрый, предстал перед своим командиром... Ага! Вот и моя станция. До свидания. Желю всего хорошего.

— Спасибо за рассказ, — сказал я, — очень рад был познакомиться с вами, товарищ сержант. А можно узнать вашу фамилию?

— Иван Перепечко.

Поезд остановился. Иван Перепечко вышел из вагона. Мы остались вдвоем с бойцом.

Боец, смеясь, сказал:

— Ну, я начал же вам сержант!

— Как? Все, что он рассказывал, — ложь?

— Нет, только нечет своей фамилии. А все остальное — истинная правда. Никогда он Перепечкой не был. Зовут его Герасим Носков.

Г. РЫКЛИН

Утро Ганса

(Из записок приятеля)

Ровно в 8 — на молитву,
В 8¹⁵ — на гробак.
В 8³⁰ — в битву...

Думал, будет день хорош...
Снял он куртку; одичало
Не унялся апетит...
Ровно в 9 — шел в атаку.
В 9¹⁵ — был убит.

А. ЖАРОВ

Северный флот.

Рис. Б. Клинка.

— Как дела, господин Квислинг?

— Отлично! Фюрер продлил мое арийское происхождение еще на две недели.

— А сынок-то ваш как вырос, фрау!
— Да, хоть сейчас на фронт! Он у меня уже часы украл — настоящий солдат!

Письма и песни

Жили два бойца в землянке,
За курганом, у реки.
Оба снайперы-герои,
Знаменитые стрелки.
Был один — любитель писем,
Это видно по всему:
Отправлял он с каждой почтой
Ежедневно по письму.
Был второй — любитель песен,
Это слышно было всем:
Знал он песен всевозможных
Сотен шесть, а может, семь.
И сказал однажды первый:
— Все ж мы мало бьем зверья;

Обязуюсь счет повысить
К годовщине Октября.
Сколько строчек в письмах к милой
Я за месяц напишу,
Столько немцев из винтовки
Я за осень уложу!
А второй сказал, подумав:
— Я до писем неохоч!
А зато вот наши песни
Петь готов я день и ночь!
Обязуюсь: сколько песен
Я за месяц пропою,
Столько немцев из винтовки
Я за осень перебью!

И с тех пор влюбленный снайпер
(Звать его Петров Кузьма)
Стал писать своей любимой
Ежедневно два письма...
А второй, Макаров Федор,
Взяв винтовку на ремень,
Два десятка новых песен
Исполняет каждый день...
Строчки тесные чернеют,
Песни льются чередой.
...Что-то немцы реже стали
К речке бегать за водой...

Алексей РЕЗАПКИН.

Действующая армия.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 1 р. 80 к. в месяц.
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

А 61672

Москва. Изд. № 805.

Подписано к печати 12/ X 1942 г.

Статформат 72 X 105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Типография газеты „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 2738. Тираж—200 000 экз.

ПОСЛЕ РУССКОЙ КОНТРАТАКИ

Рис. К. Елисеева

— Удивительно упорный народ эти русские: как я с ними ни бился, никак не мог уговорить их, что мы должны победить.